

Татьяна Мартынова

Увидимся в Одессе

В Северном Казахстане есть город Кокчетав. Здесь я родилась в 1952 году. Представляете! 65 лет назад. Сейчас там, наверное, яблони цветут. Так нас в школе по Маяковскому учили: «Я верю: город будет! Я знаю: саду цвествь, Когда такие люди в стране советской есть!». А тогда там была огромная красивая степь с сусликами, привстающими над своими норками, – и голубые сопки на необъятном горизонте. И сейчас, я думаю, все это там есть. Может быть, еще красивее. Зима там была – девять месяцев в году. Но тополя выживали. Представляете! Они же, как люди... В центре города тополей была целая роща, Центральный парк культуры и отдыха. И один раз там даже продавали мороженое. Очень вкусное! В Кокчетаве, на его пяти улицах, селили бывших заключенных, которым не разрешалось возвращаться в родные места. Наша улица – революционера Урицкого, боровшегося за наше светлое будущее. До сих пор помню эту улицу. Дом номер 31. На ней стояли саманные дома с полуоблупившейся штукатуркой. Каждый – на две квартиры. Комната и кухня. Две печки. Мама даже выиграла в денежно-вещевую лотерею фанерный шкаф для одежды. Это была наша мебель. Черный динамик радио никогда не выключался: а вдруг объявят важные новости? И все время играла классическая музыка. Я с того времени очень люблю классическую музыку: Мусоргский, Глиэр, Чайковский... А рядом были улицы – Куйбышева, Ленина, Коммунистическая, конечно. И Советская. Да, точно, Советская... И саратовские немцы, и чеченцы с ингушами, и украинцы, и все-все-все там интернационально жили. Жили очень хорошо. Соседка ингушка стала моей кормилицей, потому что у моей матери пропало грудное

молоко. Так что, когда я подросла, поняла, почему старший брат называл меня ингушкой.

– Ты теперь не наша, ты с ингушами должна жить!

– Да не слушай ты его, ты наша! – успокаивала меня мама.

А вообще, мы, дети, все дружили. Немцы как-то ухитрились привезти с собой, из Поволжья, саженцы желтой акации – и она под их домами так разрослась! Мы ели эти желтые цветки. Очень вкусно, они сладкие. Лучше заячьей капусты, которую мы ели в сопках. Нас воспитатели из детского сада часто приводили на склоны ближней к городу, и там мы эту кисленькую капусту потихоньку рвали и заталкивали в рот, прямо с землей. А воспитатели не видели. Это было очень весело! А потом мы скатывались со склона, лежа и крутясь, как скалки. Эта игра нам очень нравилась. Катисься, и вся земля перед тобой. Со всей травой и цветами. Я до сих пор помню их запах.

Неподалеку от города стояли юрты казахов-кочевников. У входа на кошмах сидели старые-старые казашки с покрытыми головами. На груди их поблескивали монисты. Их родные отгоняли овец на пастбища в сопки, а старухи поджидали их возвращения. Не помню, почему я там бывала – и с кем из взрослых. Но меня угощали и бешбармаком, и сухим твердым овечьим или козьим сыром. Очень вкусно.

– Жаксы, кызымка, жаксы, – говорила мне казашка.

А! Вспомнила! Я же была там с дедом Аршаком! Это был мой нянька. Он был такой, настоящий армянин. Жил у нас, в нашей квартире, на кухне. Он тоже был бывший заключенный. Садился на корточки перед старой казашкой и рассказывал:

– Вот когда я жил в Одессе, у меня был каменный дом. У меня был виноградник. Настоящий виноград рос там. Лучших сортов! И скоро я туда поеду. Мне внуки написали: ждут!

Не знаю, понимала ли его казашка, но кивала головой. И мои родители были рады за деда Аршака. Он всегда им рассказывал об Одессе. Только об Одессе. Какое там море. Какие улицы. Памятники... Дюк. Пушкин. И каменная лестница, ведущая к морю. Мне он говорил: «Ты должна ко мне приехать. Эта лестница очень большая! Когда стоишь внизу, кажется, что ступени ведут прямо в небо! Этот город – лучший на Земле. Я не видел его двадцать

пять лет! Я теряю время, ты понимаешь? А меня ждут. Меня в Одессу привезли маленьким. Из Турции. Османы вырезали всю мою семью. Старшая сестренка успела переодеть меня девочкой, в платье. И так спасла. Они вырезали всех мужчин и мальчиков. Даже младенцев». Он смотрел на меня.

– Вот! Хорошо, что ты – девочка...

Дед Аршак не успел уехать в Одессу. Он умер, когда мы гуляли на склоне и собирали сон-траву. Присел отдохнуть и сполз набок. Я звала его, кричала. Но он не просыпался. Тогда я легла на траву и покатила вниз. Долго ли несло меня вращение? Не знаю. Потом я выросла и уехала в Одессу. Виноград заглядывает теперь в окна бельэтажа бывшего графского особняка, в котором я живу, на Екатерининской площади. Я больше никуда отсюда не уеду. Так мне кажется.

